

УДК 316.32
ББК 60.52
Л 82

Р.А. Лубский,

доктор философских наук, доцент, преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79034065421, e-mail: roma-thebest@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются различные виды национально-государственной идентичности, которые обуславливают воспроизводство нормативной и модальной моделей социального поведения. В современном российском обществе эти модели выступают в качестве реакции социального актора или социальной группы на социальную ситуацию и на внешние социальные изменения в виде совокупности социальных действий, направленных на поддержание социального существования или адаптацию к социальной среде. В настоящее время в изучении социального поведения наметилась тенденция, связанная с преодолением познавательной односторонности, с одной стороны, личностного и ситуационного, с другой – диспозиционного и культурологического подходов научного исследования. В русле этой тенденции социальное поведение человека уже не рассматривается как следствие давления социальной ситуации или индивидуальных черт его характера, его социальных ценностей, установок или культурной предрасположенности.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, модели социального поведения, нормативная модель социального поведения, модальная модель социального поведения, традиционный тип российской государственности, либеральный тип российской государственности.

R.A. Lubsky,

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Lecturer of Administrative Law Department, the Rostov Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, ph.: +79034065421, e-mail: roma-thebest@mail.ru

THE NATIONAL-STATE IDENTITY AND MODELS OF SOCIAL BEHAVIOR IN RUSSIAN MODERN SOCIETY

Abstract. The paper discusses different types of the national – state identity which cause reproduction of standard and modal models of social behavior. In modern Russian society these models act as reaction of the social actor or social group to a social situation and to external social changes in the form of set of the social actions directed to support social existence or adaptation to the social environment. Now the tendency related to overcoming an informative unilaterality, on the one hand, personal and situational and, on the other hand, – dispositional and culturological approaches of scientific research was outlined in studying social behavior. In line with this tendency the social behavior of the person is not

considered as a result of pressure of a social situation or individual traits of his character, his social values, attitudes or cultural predisposition any more.

Keywords: national-state identity, models of social behavior, standard model of social behavior, modal model of social behavior, traditional type of the Russian statehood, liberal type of the Russian statehood.

Теоретические проблемы, связанные с изучением национально-государственной идентичности, обусловлены тем, что в научном дискурсе существуют различные представления о том, что это такое. Так, некоторые исследователи национально-государственную идентичность рассматривают в контексте принадлежности индивидов к национальному государству и отождествляют ее с гражданской идентичностью [1; 21-27]. Другие национально-государственную идентичность рассматривают в контексте принадлежности индивидов к российской нации (надэтнической общности) как результату этнических адаптаций и перевода этнических идентичностей в социокультурную и лингвистическую плоскости [2].

Некоторые ученые, стремящиеся показать специфику формирования национальной идентичности в России, предлагают различать государственно-гражданскую идентичность, основу которой составляют государственное самосознание индивидов и этатистская культура, и национально-гражданскую идентичность, основу которой составляют гражданское самосознание и гражданская культура, в рамках которой происходит отождествление индивида с гражданским сообществом. В связи с этим Л.А. Дробужева отмечает, что в российской традиции понятия государственного и гражданского самосознания не совпадают, поэтому люди, отвечая на вопрос о гражданстве, гражданской идентичности, имеют в виду именно принадлежность к государству [3; 17-18].

Как представляется, государственно-гражданскую идентичность целесообразнее называть нацио-

нально-государственной. Национально-государственную идентичность необходимо рассматривать в контексте принадлежности индивидов к российской государственности как государственно-организованному обществу, а не в контексте их принадлежности к национальному государству или российской нации. В этом случае национально-государственная идентичность в России является результатом соотнесения индивидами себя с образами российской государственности, которые соответствуют их ментальным программам.

В современном научном дискурсе между собой конкурируют несколько образов российской государственности как принципиально различные способы производства и воспроизводства общественной жизни. Один из таких образов соответствует традиционному типу российской государственности, специфика которого усматривается в высоком уровне централизации власти, опорой которой выступает государственная бюрократия и иерархически организованная сословная структура общества, находящегося под опекой государства [4; 172].

Другой образ соответствует либеральному типу российской государственности. Если образ традиционной российской государственности сформировался с учетом реалий прошлого в контексте исторической «судьбы» России, то образ либеральной российской государственности конструируется с учетом необходимости радикальной трансформации российской социальности в контексте либерального «спасения» России [5; 36-55].

Представители отечественного либерального сообщества одобряют все попытки практической реализации в российском обществе 90-х

гг. прошлого века таких принципов либерального устройства государства, как права человека, правовое государство, рыночная экономика, разделение властей, независимость средств массовой информации, контроль гражданского общества над деятельностью органов государственной власти. Некоторые исследователи, которых, с одной стороны, не удовлетворяет радикально-либеральная концепция смены традиционного типа российской государственности, а с другой – беспокоит проблема повышения ее жизнеспособности в условиях глобализации, перспективы российской государственности связывают с ее гибридным образом. В этом образе концептуализируется представление о необходимости возрождения идей оригинального пути национально-исторического развития, специфика которого состоит в «инкорпорации в традиционную модель российской государственности элементов либеральной модели государственности и принципов социальной справедливости» [4; 185-186].

Образы традиционной, либеральной и гибридной российской государственности выступают идентификационными матрицами, на основе которых формируются три разновидности национально-государственной идентичности. На осознанном уровне основой национально-государственной идентичности в российском обществе является гибридный образ российской государственности, порождающий два вида национально-государственной идентичности: консервативно-государственнический и либерально-государственнический.

Различные виды национально-государственной идентичности в российском обществе обуславливают различные модели социального поведения. При этом следует отметить, что в повседневных практиках социальное поведение людей далеко не всегда согласуется с их

осознанными намерениями и планами социальных действий. Кроме того, люди, попадая в одну и ту же социальную ситуацию, по-разному реагируют на нее, обнаруживая при этом различные модели социального поведения. Изучение этих моделей позволяет лучше понять особенности социально-коммуникативных практик в современном российском обществе, сложившихся в результате регенерации государствоцентричной матрицы развития [6; 60-65].

Социальное поведение – это реакция социального актора («человека действующего») или социальной группы на социальную ситуацию и на внешние социальные изменения в виде совокупности социальных действий, направленных на поддержание социального существования или адаптацию к социальной среде. В науке существуют два альтернативных подхода к объяснению социального поведения человека: личностный и ситуационный [7; 59-61]. В научном дискурсе утвердилось также представление о том, что социальное поведение осуществляется на основе как внутренних, так и внешних регулятивов. В связи с этим в изучении социального поведения доминируют диспозиционный и культурный подходы [8; 357-359].

В настоящее время в изучении социального поведения наметилась тенденция, связанная с преодолением познавательной односторонности личностного и ситуационного, диспозиционного и культурного подходов. В русле этой тенденции социальное поведение человека не рассматривается как следствие давления социальной ситуации или индивидуальных черт его характера, его социальных ценностей, установок или культурной предрасположенности. Социальное поведение рассматривается как результат интерпретации актором социальной ситуации, приписывания ей в социальном контексте определенных значений и смыслов.

Интерпретация социальной ситуации и соответствующее социальное поведение осуществляются актором на основе ментальной программы, сформировавшейся в процессе социальной коммуникации. Структура этой программы включает аксиологические и конативные компоненты: осознанные ценности и аттитюды, носящие диверсификационный характер, и неосознанные предпочтения и установки, обусловленные культурными константами. В этой программе в зависимости от социальной ситуации активизируются то осознанные, то неосознанные структуры, что сказывается на интерпретации актором социальной ситуации и на его социальном поведении, которое может носить как осознанный, так и неосознанный характер. Социальное поведение может быть индивидуальным или коллективным. Коллективное поведение принимает форму приспособления друг к другу индивидуальных действий: каждый индивид, интерпретируя действия других, подстраивает под них свое действие, т.е. вписывается в общую модель коллективного поведения. Социальное поведение проявляется в действиях в различных сферах социальной жизни и бывает экономическим, социальным, политическим, правовым, духовным.

В современной науке модели социального поведения иногда рассматриваются как короткие поведенческие сценарии или образцы социальных действий [9; 116]. При этом исследователи подчеркивают, что модели социального поведения – это упрощенные представления реальности, к которым не предъявляются требования отражения реальности во всей полноте [10]. В этом плане модель социального поведения – это когнитивный аналог практик индивидуального или коллективного характера социального поведения. При этом неосознанные структуры ментальной программы определяют нормативную модель

коллективного поведения, зависящую от общепринятых культурных ценностей и норм, а осознанные структуры – выбор модальных моделей индивидуального поведения, статистически наиболее распространенных в обществе.

Нормативная модель коллективного поведения в российском обществе, которая является продуктом эволюции неформальной институциональной матрицы российской государственности, носит неосознанный характер и поэтому с трудом поддается трансформации. В основе этой модели поведения лежат такие структуры ментальной программы, как политические предпочтения и предрасположенность перемещать решение всех жизненных проблем, в том числе и частных, в такую политическую сферу, в рамках которой активизируются неформальные установки на государственный патернализм [11; 19–21].

В такой ментальной программе доминирует установка «быть как все», сопровождаемая усвоением принятых в обществе образцов коллективного поведения, которые рассматриваются как единственно возможные. Установка «быть как все», с одной стороны, избавляет индивидов, входящих в коллективное сообщество, от ответственности за свои действия, с другой – порождает стремление обратиться за помощью к «старшему», прежде всего – к государству. Отсюда в ментальной программе коллективного поведения появляется такая предрасположенность, как «жить в сильном государстве», которое возлагает на себя функцию защиты интересов человека и его социальной мобилизации.

Стремление «быть как все» проявляется также в том, что ответственность как внутренняя парадигма коллективного поведения и форма его контроля заменяется строгим следованием внешним предписаниям – стандартам социального действия. Ориентация

коллективного поведения на социальные стандарты заменяет внутренние формы контроля внешними, поэтому характерной чертой нормативной модели коллективного поведения является постоянное стремление перекладывать ответственность за свою судьбу и свои действия на государство или социум, к которому они принадлежат.

Коллективное сообщество чувствует себя комфортно лишь в ситуации социальной определенности, где существуют конкретные предписания, что и как делать, поэтому в его ментальной программе доминирует такая установка, как «страсть к порядку». Порядок ассоциируется с наличием определенных социальных предписаний и необходимостью их строгого выполнения. Эти предписания наделяются, как правило, административным смыслом: тот или иной способ действий должен быть санкционирован «сверху». «Страсть к порядку» в ментальной программе сопряжена с этатизмом и порождает в ней, с одной стороны, антиличностную установку, нетерпимость ко всякой индивидуальности, а с другой – готовность всегда поддерживать государственную власть в деле «наведения порядка».

В основе установок ментальной программы нормативной модели коллективного поведения лежат этатистско-патерналистские представления о том, что государство является «творцом» всех общественных отношений и должно опекать общество и человека [12; 79-80, 13; 156-157]. Эти представления сформировались на основе восприятия патриархальной идеи отношения человека и власти как отношения детей и родителей, предполагающей хорошее, отеческое и справедливое правление доброго «хозяина-отца». Отсюда сложилось понимание общенародного единства как духовного родства и возникло стремление заменить бездушные правовые нормы нравственными

ценностями. В результате атрибутом нормативной модели коллективного поведения в российском обществе стал правовой нигилизм.

В ментальной программе нормативной модели коллективного поведения высшей ценностью является государство, поэтому коллективное сообщество испытывает перед государством священный пиетет, если его деятельность соответствует социальным ожиданиям и ментальным предпочтениям, если нет, то коллективное сообщество впадает во фрустрацию и становится «безмолвствующим большинством».

В ментальной программе нормативной модели поведения существует установка на сотрудничество и взаимопомощь, что позволяет говорить о коллективизме как атрибуте этой модели. Однако коллективизм основывается не только на сотрудничестве и взаимопомощи, но и на признании ценности коллектива и личности, осознающей себя частью этого коллектива и связывающей результаты коллективных действий с собственными действиями. Однако в российском социуме люди, втягиваясь в совместные действия, никогда не могут претендовать на то, чтобы их личное мнение и участие практически что-то значило, поэтому в действительности мы сталкиваемся с такой моделью коллективного поведения, которое обставляется всяческими коллективными ритуалами, но на практике является имитацией коллективизма, маскирующей иной тип социальных связей, основанных на властно-принудительной социальной организации общества.

В ментальной программе нормативной модели коллективного поведения особое место занимает установка на справедливость как социальное равенство и «безмятежное блаженство», основанное на любви, единении и согласии. Причина всякой несправедливости усматривается в социальном неравенстве между «богатыми» и «бедными». Отсюда

возникает предрасположенность к искоренению всякого социального неравенства и социального угнетения в обществе как необходимому условию утверждения социальной справедливости. Утверждение социальной справедливости в российском обществе, с одной стороны, возлагается на «государя», долг которого – заботиться о своих подданных. С другой стороны, в качестве способа утверждения социальной справедливости рассматривается свобода, которая в ментальной программе нормативной модели коллективного поведения является не целью жизни, а лишь средством достижения социальной справедливости. Свобода как возможность ответственного индивидуального выбора заменяется понятием воли как свободы лишь для себя или свободы для всех как общей коллективной воли или всеобщей «вольницы».

В ментальной программе нормативной модели коллективного поведения присутствуют особые установки, связанные с работой и трудом. В российской ментальности работа воспринимается как вынужденная форма человеческого существования. Труд рассматривается этически и выступает как значимая и всегда положительно оцениваемая деятельность, требующая напряженных творческих усилий человека, поэтому принято различать «работу на других», рассматривая ее как повинность с соответствующей этикой, и «труд на себя», что является формой реализации физических и умственных способностей человека и сопровождается иной этической мотивацией.

В ментальной программе нормативной модели коллективного поведения существует также установка на возвышенную устремленность в будущее, которая сочетается, с одной стороны, с непреодолимой верой в завтрашний день, а с другой – с «идеоманией» как способом снятия напряженности от глубоких социальных потрясений или извеч-

ных забот и переживаний. Все это порождает в ментальной программе такие устойчивые духовные доминанты, как утопические иллюзии и консервативный синдром.

Модальные модели социального поведения – это модели осознанного социального поведения индивидов, представляющих определенные социальные группы. В российском обществе в конце XX – начале XXI вв. можно выделить две такие группы: представители меньшей из них ориентируются на либеральную модель социального поведения, представители большей группы – на консервативную модель.

Если нормативная модель социального поведения в российском обществе является достаточно устойчивой, поскольку акторы, придерживающиеся этой модели, не рефлексируют по поводу своих действий, обусловленных соответствующими установками, то модальные модели социального поведения достаточно подвижны, их границы взаимопроницаемы, что придает им гибридный характер, поэтому социальное поведение, которое мы относим к консервативному типу, может содержать элементы либерального типа социального поведения, и наоборот.

В контексте российских реформ последних двух десятилетий в развитии российского общества обнаружилась тенденция, связанная с трансформацией модальных моделей социального поведения. В истории этих реформ Академик РАН М.К. Горшков выделяет два периода: 90-е гг. прошлого столетия – время увлечения россиян западным опытом в контексте настойчивых попыток переноса на российскую почву различных образцов и моделей зарубежного происхождения, и рубеж XX и XXI вв. – время возвращения к традиционному российским представлениям, ценностям и установкам и ухода от западных увлечений. В рамках консервативной волны, которая в значительной мере определила состояние

массовых умонастроений россиян на рубеже столетий, объективнее, как пишет М.К. Горшков, стал их взгляд на опыт других стран и собственное прошлое, исчезли сомнения по поводу правомерности российской специфики. Эта волна актуализировала ценности и установки российского менталитета, утверждающие превосходство духовных начал над чисто внешним устройением жизни и приобретением разнообразных материальных благ [14; 640–644].

Примечания:

1. Галимова И.М. Концепт национально-государственной идентичности в академическом дискурсе // Вестник Пермского государственного университета. Сер. Политология. 2011. Вып. № 3 (15). С. 21-27.

2. Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности молодежи в современной России: политико-психологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 27 с.

3. Дробижева Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4-5. С. 17-34.

4. Шевченко В.Н. Глобализация и судьба российской государственности // Судьба государства в эпоху глобализации. М.: ИФ РАН, 2005. С. 161-198.

5. Шевцова Л.Ф. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et contra, 2004. Т. 8. № 3. С. 36–55.

6. Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России: исчерпание государствоцентричной матрицы развития // Политические исследования. 2002. № 4. С. 60-65.

7. Хекхаузен Х. Личностные и ситуационные подходы к объяснению поведения // Психология социальных ситуаций. СПб: Питер, 2001. С. 58-90.

8. Ядов В.А. О социологической составляющей диспозиций // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е изд. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. С. 357-360.

9. Павленко О.Б. Взаимосвязь ценностей культуры и моделей социального поведения // Альманах современной науки и образования. 2010. № 10 (41). С. 116-124.

10. Шилкина Н.Е. Теоретические и методные аспекты социологического моделирования социального поведения индивида и группы // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9 (17). URL: www.sisp.nkras.ru.

11. Лубский Р.А. Государственность и патернализм в России // Философия права. 2012. № 6 (55). С. 19-21.

12. Лубский Р.А. Патернализм как предмет научного дискурса // Философия права. 2012. № 5 (54). С. 79-80.

13. Лубский Р.А. Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6 (16). С. 156-157.

14. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.

References:

1. Galimova I.M. The concept of national-state identity in the academic discourse // Bulletin of Perm State University. Political Science series, 2011. Issue 3 (15). P. 21-27.

2. Titov V.V. Formation of the national-state identity of youth in modern Russia: political and psychological analysis: Diss. abstract for the Cand. of Political Sciences degree. M., 2009. – 27 pp.

3. Drobizheva L.M. Russian identity and harmony in inter-ethnic relations: experience of 20 years of reforms // Bulletin of the Russian nation, 2012. No. 4-5. P. 17-34.

4. Shevchenko V.N. Globalization and the fate of Russian statehood // The fate of the state in the era of globalization. M.: IF RAN, 2005. – 200 p. P. 161-198.

5. Shevtsova L.F. Russia has not coped with democracy: political rollback logic // Pro et contra, 2004. V. 8. No. 3. P. 36-55.

6. Vorozheykina T.E. State and society in Russia: the exhaustion of state-centric matrix of development // Political Studies, 2002. No. 4. P. 60-65.

7. Hekhauzen H. Personal and situational approaches to the explanation of behaviour // Psychology of social situations. SPb.: Piter, 2001. – 403 pp. P. 58-90.

8. Yadov V.A. On the sociological component of dispositions // Self-control and prediction of social behaviour of a person: a dispositional concept. The 2nd ed. M.: Social Forecasting and Marketing Center, 2013. – 376 pp. P 357-360.

9. Pavlenko O.B. Interrelation of cultural values and patterns of social behaviour // Almanac of Modern Science and Education, 2010. No.10 (41). P. 116-124.

10. Shilkina N.E. Theoretical and methodological aspects of sociological modeling of social behaviour of the individual and the group // Recent studies of social problems (electronic scientific journal), 2012. No. 9 (17). [Electronic resource]. URL: www.sisp.nkras.ru.

11. Lubsky R.A. Statehood and paternalism in Russia // Philosophy of Law, 2012. No. 6 (55). P. 19-21.

12. Lubsky R.A. Paternalism as a subject of scientific discourse // Philosophy of law, 2012. No. 5 (54). P. 79-80.

13. Lubsky R.A. Etatism as the principle of interaction between a man and the state in Russia // Historical and socio-educational thought, 2012. No. 6 (16). P. 156-157.

14. Gorshkov M.K. Russian society as it is: (experience of sociological diagnosis). M.: Novy khronograf, 2011. – 672 pp.